

Французская дипломатия 1938–1939 гг.: от «умиротворения» к «сдерживанию», или политика гарантий

Е. О. Обичкина*

В череде событий, предваривших гитлеровское нападение на Польшу, и «мюнхенская» политика, и советско-германский пакт носили не решающий, а подчиненный характер, поскольку их участники (Великобритания и Франция в первом случае, СССР — во втором), по сути, пытались обезопасить себя от гитлеровской агрессии, которая была главной причиной возникновения Второй мировой войны.

Анализ политики Франции с конца 1938 и до сентября 1939 г. позволяет ответить на вопрос о том, насколько желательным или вынужденным было для дипломатии Парижа развитие ситуации в последний предвоенный год. Центральным в этом анализе будет узел противоречивых отношений между ключевыми игроками, от взаимодействия которых зависела возможность возникновения накануне войны антигитлеровской коалиции между англо-французским тандемом и Польшей с одной стороны и Советским Союзом — с другой.

Противоречия «политики умиротворения» на западе и на востоке:

Политика умиротворения Германии, или «мюнхенская» политика, была прологом и одной из важных причин Второй мировой войны. Будущие жертвы гитлеровской агрессии делят ответственность за политику, лишившую их возможности коллективно противостоять агрессии. Нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов, прощаясь с послом Франции

Р. Кулондром (R. Coulondre), которого перевели из Москвы в Берлин (16 октября 1938 г.), поведал о своем «жестоким разочаровании», порожденном поведением Великобритании, но особенно — Франции, в последнем (чехословацком. — Е. О.) кризисе. Он не верил в возможность какого бы то ни было общего урегулирования с национал-социалистическим Рейхом и заявил, что СССР, под надежной защитой своих границ, отныне оставалось лишь наблюдать за установлением германской гегемонии в Центральной и Южной Европе. В то же время, он признал, что для установления равновесия сил в Европе и сдерживания германской экспансии Великобритания и Франция могли бы предпринять еще одно гигантское усилие (*un effort suprême*). В этом случае, — добавил он, — две державы «должны будут обратиться к нам, и мы скажем свое слово»¹.

Р. Кулондр полагал, что А. Гитлер захочет договориться с Польшей и обменять Данцигский коридор на Мемель, чего и опасались прибалты. М. М. Литвинов, не отвергая этого варианта, считал, что опасность исходила непосредственно от Германии, которая хотела бы взять балтийские государства под свой контроль. По мнению Кулондра, несмотря на заверения наркома о том, что СССР нечего бояться Гитлера, в Москве уже в октябре 1938 г. рассматривали два сценария: возможное нападение Германии на Великобританию (после «нейтрализации» Франции) или на СССР. Оставляя свой пост в Москве, французский посол предвидел, что «будут предприняты усилия, чтобы

* **Евгения Олеговна Обичкина** — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО (У) МИД России.

этот выбор был сделан в желательном направлении. Мы должны, следовательно, учитывать в будущем акцию Кремля с целью, конечно, тайно и не напрямую (*une action officieuse et indirecte*), войти в контакт с Берлином и прозондировать его намерения². Кулондр предположил, что в таком случае единственным приемлемым для Берлина вариантом может быть раздел Польши вследствие советско-польской войны. Запись этого разговора и комментарии французского дипломата, пусть даже речь идет не о первых лицах, отражают современное восприятие ситуации. Многие во Франции и в Восточной Европе перед лицом усилившейся германской угрозы рассматривали СССР не только как очевидного союзника против Гитлера. Наравне с этим, ими рассматривался сценарий соучастия СССР в силовом переделе центрально-европейских границ.

Неэффективность англо-французской политики дипломатического сдерживания агрессора, последовавшей за Мюнхеном, во многом была результатом кризиса в ориентации государств Центральной и Восточной Европы и западных демократий, которым следовало выбрать из «двух зол»: между замирением с А. Гитлером и союзом с И. В. Сталиным. Поэтому, как представляется, ключ к пониманию проблемы следует искать не столько в дипломатической деятельности отдельных стран, сколько в анализе подсистемы международных отношений в предвоенной Европе и логики ее эволюции.

Ее факторами были: ослабление международных позиций Франции (ключевого игрока Версальской системы) в пользу островной Великобритании; параллельное возрастание мощи государств «Оси» после нарушения суверенитета Чехословакии, что явилось и показателем, и сигналом к распаду системы антигерманских союзов, созданной Францией после Первой мировой войны; ключевая роль СССР — «несистемного» государства, опирающегося на многочисленные коммунистические партии, объединенные в Коминтерн и руководимые из Москвы. Последнее обстоятельство ставило европейские правительства, прежде всего правительства Франции и Польши, перед выбором (далеко не очевидным в те годы) между опасностью со стороны нацистской Германии и фашистской Италии и коммунистической опасностью со стороны Советского Союза и партий подчиненного ему Коминтерна. Добавим к этому, что вплоть до войны у большинства европейских политиков не было идеологического понимания нацизма, в котором видели новое издание германского реваншизма, отчего в те годы И. В. Сталин казался многим опаснее А. Гитлера — диктатора, но не разрушителя капитализма.

Это принимали во внимание в Москве и даже ставили на первый план, размышляя над перспективами пакта с Великобританией и Францией. 25 мая 1939 г. полпред СССР в Париже Я. З. Суриц писал В. П. Потемкину, заместителю наркома, кури-

ровавшему после отставки М. М. Литвинова советско-англо-французские переговоры: «В течение ряда лет они (Н. Чемберлен, Э. Даладье, Ж. Бонне) лелеяли надежду, что очередными уступками то одному, то другому диктатору удастся отвести от себя угрозу и, даже больше того, освободиться раз и навсегда от красной опасности... Организовать сопротивление без Москвы невозможно... а заключить союз с СССР боязно — это значит нанести смертельный удар фашизму, с которым связывалось столько надежд»³.

Важно также, что, несмотря на сопоставимость потенциалов Франции и Великобритании, с одной стороны, и Германии и Италии, с другой стороны, в 1938 г. было очевидно (и для правительств, и для общественного мнения), что противостоящие агрессивным державам демократии качественно проигрывают в могуществе, то есть, если воспроизвести формулу Р. Арона, в способности «навязать свою волю другому и не дать навязать себе чужую волю». Это понимали и в СССР. М. М. Литвинов писал Я. З. Сурицу, анализируя причины Мюнхенского соглашения: «Когда приходится идти в окопы не ради непосредственной защиты границы, энтузиазма ждать не следует... Энтузиазм создается в таких случаях пропагандой... Верно то, что французское правительство ничего не сделало для разъяснения населению значения Чехословакии с точки зрения интересов обороноспособности самой Франции»⁴.

Францию, которая 22 мая 1938 г. устами Э. Даладье заявила о верности своим обязательствам в отношении Чехословакии, подтолкнула к Мюнхену позиция Лондона, который в период чехословацкого кризиса играл первую скрипку и отказывался riskовать столкновением с А. Гитлером из-за Чехословакии. Эта политика была основана, с одной стороны, на признании превосходства германской военной машины и, особенно, национального сплочения немцев вокруг идеи реванша, с другой стороны, на надеждах, что политика умиротворения позволит избежать войны с Германией. Военные приготовления Гитлера были очевидны. Генерал Г. Ренондо (G. Renondeau), военный атташе Франции в Берлине, констатировал 20 сентября 1938 г.: «Германия стала одним большим военным лагерем»⁵.

Проблема меньшинств:

Судеты — «исключительный случай»

Во Франции предпочитали надеяться, что Чехословакия, вернее, Судеты, представляют особый случай, поскольку речь идет о воссоединении немцев, и вписывали эту политику в логику аншлюса Австрии. Ж. Бонне стремился избежать любых аналогий с решением проблемы судетских немцев в отношении судьбы остальных меньшинств Восточной Европы. Еще в сентябре 1938 г. Бонне в разговоре с польским послом Лукашевичем в связи с польскими требованиями относительно прав польского меньшинства в Чехословакии (в Тешине) разъяснял,

«насколько этот демарш был неуместным в момент начала переговоров между Лондоном, Парижем и Берлином по урегулированию статуса судетского меньшинства, поскольку многочисленность судетских немцев делала этот случай совершенно исключительным». Бонне предостерег Варшаву от желания соучаствовать в разделе Чехословакии и напомнил польскому послу о франко-польском союзном договоре и о том, что все мирные народы должны объединиться против гегемонистских устремлений Германии, иначе та не замедлит воспользоваться их разногласиями. Французский министр считал, что «интерес Польши состоял, следовательно, в том, чтобы остаться вне этого спора (о правах меньшинств — Е. О.), который, если разрастется, грозит опасными осложнениями для мира в Европе»⁶.

Французские гарантии: преимущество или осложнение?

После Мюнхена, с 30 сентября 1938 г., Франция вместе с Великобританией верит в политику собственных гарантий малым странам как в сдерживающий Германию фактор. В Мюнхенском соглашении предпочитают видеть подчинение А. Гитлера авторитету международного сообщества (что-то вроде мюнхенской «директории»), с согласия которого и под гарантией которого будут отныне вершиться международные дела. Но очень скоро становится очевидным, что французская дипломатия вследствие Мюнхена оказалась ослабленной, теряя влияние в Восточной Европе.

Отношение к Польше — этой «любимой кузине» Франции — у французской дипломатии в тот момент двойственное, и эта двойственность имеет результатом охлаждение франко-польских отношений. С одной стороны, Франция недовольна политикой министра иностранных дел Польши Ю. Бека. Тот действует в пользу польско-германского сближения и не скрывает намерений воспользоваться разделом Чехословакии для территориальных приращений в пользу Польши. Э. Эррио, критикуя стремление Польши участвовать в разделе Чехословакии, сказал, что Польша выступает в роли «младшего ассистента при старшем палаче»⁷. С другой стороны, логика Мюнхена, кажется, ведет к стремлению освободиться от обязательств в отношении восточноевропейских стран.

Именно так оценивала в декабре позицию Франции советская дипломатия. В справке, направленной полпредом Я. З. Сурицем в Москву, содержится анализ «мюнхенского» курса правительства Э. Даладье. Отмечая, что «Франция слаба и утратила свое прежнее гегемонное (так в документе — Е. О.) положение в Европе, ... растеряла большую часть своих союзников» и видит в СССР союзника «ненадежного и опасного», Суриц приписывает французскому правительству стремление «пересмотреть все свои старые обязательства и договоры, заключенные при

иной обстановке и ином соотношении сил в Европе». Такие сомнения особенно часто возникали вокруг двух договоров: договора с СССР и договора с Польшей. Суриц считал, что они в тот момент являлись «отягчающей ипотекой, способной осложнить ее взаимоотношения с... Германией и вовлечь ее в... опасные военные конфликты.

Договор с СССР был заключен значительно позже, чем с Польшей, когда германская угроза уже стала заметно вырисовываться. С этим договором связывались надежды, что вокруг него сможет образоваться новая защитная линия... против германской агрессии на Востоке. Эти надежды из-за занятой Польшей позиции не оправдались... Прежняя Чехословакия больше не существует и не может быть использована как плацдарм для воздушной атаки против Германии». Польша выступает как очередная жертва германской политики. Чтобы не быть из-за Польши втянутой в историю типа Мюнхена, Бонне «воспылал священным гневом против (поляков) и стремится заморозить пакт с Польшей, как он уже заморозил пакт с СССР»⁸.

Определенность цели: избежать столкновения с Германией

Положение Франции тем тревожнее, что она опасалась «расползания» испанского конфликта с участием Италии у ее пиренейской границы. Поэтому она предпочитает признание Ф. Франко продолжению гражданской войны, а позже стремится через А. Петэна добиться нейтральной позиции от Франко. Политика Б. Муссолини на южной границе, в Средиземноморье и в Африке, внушает Парижу в тот период не меньшие опасения, чем политика А. Гитлера, который неустанно заверял в отсутствии у него территориальных претензий к Франции.

Если предположить, что Мюнхен имел целью отсрочить военное столкновение с Германией, предоставив англо-французским союзникам возможность нагнать их военное отставание от Германии, то приходится признать, что результат получился противоположным: присоединение новых (чехословацких) территорий с многочисленным населением и развитой инфраструктурой и экономикой усилило потенциал Германии. Французские военные сознавали, что вследствие Мюнхена военное положение Франции серьезно ухудшилось. «Чехословакия больше не в состоянии предоставить нам какую-либо помощь в Центральной Европе; новое государство, без естественных границ, у которого отняли часть его промышленности, может существовать теперь только в орбите Германии. Поведение чешских офицеров на заседаниях военной подкомиссии в этом смысле показательно. Со второго дня мы констатировали, что они избегали... прибегать к арбитражу Франции, Великобритании и Италии и предпочитали обсуждать все спорные вопросы напрямую с немцами». Такая перемена поразила

английского военного атташе, и он сказал своему французскому коллеге: «Смотрите, эти люди работают уже, как союзники»⁹.

Франция, ослабленная кризисом и парализованная внутривнутриполитическими разногласиями между бывшими партнерами по Народному фронту и социальными выступлениями, не смогла противопоставить германскому рывку в области вооружений адекватного прорыва в перевооружении и в моральной готовности к войне. Французский военный атташе в Берлине был впечатлен возможными размерами наступательных сил, которые немецкое командование предполагает задействовать в случае войны на западе, и «теми жертвами, на которые оно готово пойти, чтобы обеспечить своему наступлению решающий результат». Через три недели после Мюнхена он призывает «извлечь из этого должны выводы, особенно после событий, в которых перевес военно-воздушных сил Рейха над силами Франции и Великобритании был одним из главных факторов нашего морального поражения и потери наших позиций в Центральной Европе»¹⁰.

Кроме того, общество не было готово воевать за восточных союзников. Внешнеполитическая стратегия Франции, направленная на защиту союзников от германской агрессии, т. е. на наступательные действия в случае конфликта, противоречила ее оборонительной военной стратегии¹¹.

Проведенный французским генеральным штабом анализ военных приготовлений Германии (в конце 1938 г.) соответствовал, прежде всего, настроениям французских военных и политиков и в меньшей степени реальному положению. Сообщая, что Германия предпринимала в последнее время «неустанные и дотоле невиданные» военные усилия, генеральный штаб сделал несколько важных выводов. Во-первых, эти усилия явно наступательные. Во-вторых, хотя затруднительно было точно определить возможное направление главного удара, там полагали, что на французской границе германские силы являлись, главным образом, оборонительными. «На востоке Германии, наоборот, все признаки свидетельствуют, что германские военные усилия продолжатся в Центральной и Восточной Европе. Некоторые уточняют, что именно Украина является их целью»¹². Это сообщение вызвало скорее облегчение, чем опасение, что придется соответствовать обязательствам по франко-советскому пакту 1935 г.

Неопределенность тактики: «бумажный» пакт с СССР

Франко-советский пакт оставался в значительной степени бумажным, отношения с СССР — натянутыми, и выполнение военно-технических поставок Франции в СССР постоянно находилось под угрозой срыва. «Изменение климата в Париже» — «преклонение перед германской мощью и охлаждение к советскому посольству»¹³ — полпред Я. З. Суриц заметил

еще в июле 1938 г., возвратившись из отпуска.

В то же время, в Париже отдавали себе отчет в том, что чехословацкий кризис принципиально изменил позицию СССР. Посол Франции в Москве Р. Кулондр не сомневался в искреннем желании СССР сохранить целостность чехословацкой территории, поскольку это являлось залогом его собственной безопасности. Бездействие Лиги наций «открыло глаза» советскому правительству: его упорные, но бесплодные попытки внести чехословацкий вопрос в повестку заседаний, и действия Великобритании и Франции в обход Лиги Наций, и небрежение пактом со стороны Франции, по мнению Кулондра, заставили Москву действовать в одиночку. С другой стороны, усилилась германская угроза, «к которой, как казалось, причастны и западные державы. Она удваивалась польским участием. Для СССР было в тот момент неуместно из тактических соображений подчинять свои действия политике других держав... Таким образом, в течение сентября можно констатировать эволюцию советской политики в сторону автономии». Доказательством явилась резкая реакция на польскую угрозу Чехословакии¹⁴. Кулондр предупреждал об опасном направлении эволюции советской позиции «после падения чешского бастиона»: «... Не захотят ли Советы, чтобы предотвратить германскую экспансию с юго-запада в направлении Украины, ... в стремлении отвести эту угрозу от наиболее опасного для себя направления, подставить Польшу, чтобы, открыв по своей инициативе польский вопрос, стать соучастником ее раздела?»¹⁵.

В свою очередь, СССР считал, что «мюнхенцы» стремятся к соглашению с А. Гитлером и не верил, что Францию интересовали какие-либо обязывающие комбинации (взаимные гарантии, пакты безопасности) на востоке. М. М. Литвинов писал Я. З. Сурицу в начале декабря 1938 г.: «Бонне стремится совершенно освободиться от всяких обязательств и необходимости вмешательства на востоке и юго-востоке Европы, и отношение его к франко-польскому пакту такое же, как и к франко-советскому, т. е. как к документам, фактически недействительным. Это вытекает, очевидно, из концепции, которую усвоил Чемберлен, как будто ближайшей задачей Гитлера является наступление на советскую Украину»¹⁶. Эти суждения подкреплены полученным от информатора пересказом слов французского посла в Берлине А. Франсуа-Понсе: «Я по-прежнему считаю, что мы устроили дело таким образом, чтобы иметь все неприятности от союза с СССР без каких-либо преимуществ»¹⁷.

А. Франсуа-Понсэ в Москве считали «капитулянтской», одержимым страхом перед германской и итальянской мощью. М. М. Литвинов писал Я. З. Сурицу 11 апреля 1939 г.: «Франсуа-Понсэ (тогда уже посол в Риме) ведет ту же тактику из Рима, как раньше из Берлина. Стремясь к скорейшему соглашению

с Италией, он в своих донесениях запугивает французское правительство, преувеличивая, конечно, итальянские военные приготовления»¹⁸. Действительно, записки Франсуа-Понсе свидетельствуют, что его впечатляли германская мощь и воинственный националистический дух, который А. Гитлеру удалось пробудить в немецком народе, но еще больше неустойчивость психики диктатора, которого он считал способным на любые, даже гибельные для него самого и Германии авантюры.

Посол Франции в СССР Р. Кулондр, покидая Москву перед тем, как сменить А. Франсуа-Понсе в Берлине, писал о причинах такого положения, при котором пакт с СССР оказался для французской дипломатии скорее недостатком, чем преимуществом, и предсказал опасность разворота Москвы в пользу соглашения с Гитлером. Ключевое значение здесь имела Польша.

Трагическое противоречие

Передавая свой прощальный разговор с М. М. Литвиновым, Р. Кулондр указал на два сценария последующего развития событий, которые рассматривали в Москве. Когда Рейх прочно установит свою гегемонию в Европе и Франция будет нейтрализована, он может напасть или на Британскую империю, или на СССР. Анализируя возможное направление германского удара, Кулондр считал, что «любая гипотеза по поводу германской экспансии на восток поразительным образом ставит Польшу и Россию в противоположные лагеря. Можно ли разорвать этот порочный круг? Ни одна страна не заинтересована в этом так, как Франция. Вообще, на этот вопрос охотно отвечают негативно, упирая на непреодолимую враждебность..., которую испытывает Польша к своему большому славянскому соседу, и это психологическое препятствие кажется трудно устранимым. Вместе с тем, надо заметить, что это убеждение утвердилось сегодня в гораздо большей степени, чем 10 лет назад и что эволюция польской политики тяготеет главным образом к развалу системы безопасности, установленной договорами».

Французский дипломат соглашался с тем, что, как и другие капиталистические страны, Польша могла опасаться социальной пропаганды большевиков, но она прекрасно знала, что в данный момент ей нечего опасаться территориальных захватов со стороны СССР, инертного и к тому же ослабленного крайностями своего диктаторского режима. СССР, наоборот, по сей день заинтересован в сохранении Польши как буферного государства, которое для России является тем же, чем Бельгия для Франции. Но если Польша рассчитывает, договорившись с Германией, использовать ее как сообщника, а СССР, со своей стороны, захочет сделать то же самое, то и СССР, и Польша, не видя никакой иной поддержки и опасаясь удара со стороны Германии, будут стре-

миться направить этот удар друг на друга. «Следует признать, — продолжал посол, — что именно слабость западных демократий восстанавливает друг против друга Польшу и Россию, заставляя каждую действовать в угоду Германии, в то время как, в конечном счете, у той и у другой нет иного врага, другого потенциального захватчика, кроме Германии»¹⁹. Далее посол «с прискорбием» констатировал, что в настоящих условиях франко-советский договор «потерял всякий смысл и ничего нам не дает, кроме осложнений... Он нас больше не гарантирует ни против соглашения СССР с Германией, ни против оживления деятельности Коминтерна во Франции. Если его не усилить английским участием, с одной стороны, и, с другой стороны, соглашением с Польшей, эта связь станет лишь препятствием, о котором мы, в конце концов, споткнемся»²⁰.

В советском посольстве в Париже знали об этих настроениях. В ноябре 1938 года Я. З. Суриц пишет М. М. Литвинову, что Э. Даладьё и Ж. Бонне «не остановятся перед денонсированием франко-советского пакта, если в это требование упрутся переговоры (с Германией) и если такой ценой можно будет купить соглашение с Германией»²¹.

Действительно, в период между Мюнхеном и гитлеровской оккупацией всей Чехословакии Франция стремилась, дистанцировавшись от своих обязательств в отношении Восточной Европы, получить, пусть временно, гарантии от А. Гитлера.

Спорная гарантия

Следует согласиться с тем, что для гарантии собственной безопасности французская дипломатия после Мюнхена и до оккупации А. Гитлером всей территории Чехословакии стремилась положиться на двусторонние декларации и соглашения с Германией. Посол Франции в Берлине А. Франсуа-Понсе, передавая содержание разговоров Гитлера с британской делегацией, указывал, что «фюрер формально заверил, что у него нет ни малейшего желания нападать на нашу страну... Если Франция нападет на Германию, тогда, разумеется, фюрер начнет против нее войну; но он всячески будет стараться избежать, чтобы Германия выступила в роли агрессора»²². Обеспокоенная англо-германской декларацией 30 сентября, которая потенциально могла оставить Францию один на один с Германией, дипломатия Ж. Бонне добилась подписания аналогичной франко-германской декларации (6 декабря 1938 г.).

Она стала логическим продолжением Мюнхена. Франция боялась, что она будет исключена из складывающейся в новой европейской ситуации «директории» держав с обязательным участием Германии и не определенным пока составом прочих участников. Германские предложения по тексту декларации были отправлены французскому правительству 5 ноября 1938 г. Уже на следующий день после их получения от посла Германии в Париже,

Ж. Бонне отвечает согласием, настаивая лишь на том, чтобы в п. 3 о взаимных консультациях были внесены поправки с тем, чтобы сделать его идентичным англо-германской декларации²³.

В справке Политической дирекции МИД Франции в качестве действующих консультативных пактов с Германией указаны два документа. Первый — советско-германский консультативный пакт (Рапалло) от 1922 г.; второй — англо-германская декларация 30 сентября 1930 г., вызвавшая в свое время болезненную реакцию во Франции. Н. Чемберлену пришлось в оправдание сказать, что ее текст был предложен британской делегации перед самым отъездом, так что у него не было времени на консультации с французской стороной²⁴. Вместе с тем, Великобритания связана консультативным соглашением с Францией, заключенным в Лозанне 13 июля 1932 г. Благодаря этому соглашению французское правительство должно быть информировано о германо-британских консультациях, основанных на декларации Гитлера-Чемберлена. Несмотря на то, что франко-британское соглашение было названо «доверительным», Париж опасался, что Лондон будет стремиться к односторонним преимуществам в соглашениях с Берлином, как это было в Мюнхене. Поэтому французский МИД советовал своей делегации держаться при обсуждении текста франко-германской декларации в рамках, предусмотренных англо-германской декларацией, чтобы какими-либо особыми договоренностями не вызвать у Великобритании желания «пойти еще дальше в придании своему согласию с Берлином более исключительного характера» (*de donner à son entente avec Berlin un caractère plus exclusif*)²⁵. Возможная трехсторонняя англо-франко-германская комбинация казалась Парижу нежелательной, поскольку тогда возникал бы вопрос о ее расширении, например, на постоянной основе (на Италию, СССР) или на второстепенные государства, в зависимости от обсуждаемых вопросов.

Точно так же отвергалась идея заключения с Германией пакта о ненападении. Это означало бы, что правительство Франции пересматривает свои договоры с Польшей и СССР, не говоря уже о Чехословакии. Кроме того, под вопрос ставились взаимные англо-французские гарантии. «Очевидно, что было бы опасно компрометировать эту систему из одного желания получить простое обещание воздерживаться от агрессии, уже данное Франции Германией в Локарно, и от которого она отказалась»²⁶.

В МИД считали, что декларация «не внесет никакого нового элемента в безопасность (Франции), но будет, тем не менее, иметь реальную психологическую ценность». С точки зрения безопасности было бы лучше возобновить между Парижем, Берлином и Лондоном прерванные два года назад переговоры по Западному пакту, призванному заменить договор Локарно. В таком случае предварительно необходи-

мо было уточнить позицию по договорам с СССР и с Польшей.

В конце ноября 1938 г., во время англо-французских консультаций перед подписанием франко-германской декларации, Н. Чемберлен поинтересовался, что станет делать Франция, если оправдаются слухи о готовящемся Германией отторжении Украины от СССР с целью создания независимого украинского государства. Франция, связанная одновременно и пактом с СССР, и франко-германской декларацией, могла бы тогда оказаться в сложном положении. Одновременно ставился и вопрос о франко-польских отношениях. Признавая возможность роста националистического движения на Украине, косвенным доказательством которого Ж. Бонне считал опубликованные в Москве материалы процесса против «врагов народа»²⁷, французский министр уточнил, что его страна обязалась вмешаться в случае прямого нападения со стороны *сопредельного* государства. Даже в этом случае (что трудно себе представить, поскольку у Германии нет общей границы с СССР) вмешательство Франции возможно только: 1) после единогласного решения Совета Безопасности Лиги Наций; 2) в отсутствие этого единогласия, после консультаций с государствами-гарантами Локарно, что полностью удовлетворило Чемберлена, поскольку означало, что без его согласия Франция не выступит в поддержку СССР.

В инструкции министра к франко-германским переговорам о декларации содержится предупреждение против неосторожных гарантий чехословацких границ, по крайней мере, до тех пор, пока не будет окончательно определена, после консультаций с Прагой, франко-британская позиция²⁸. Впрочем, уже тогда было понятно, что Франция уже потому не должна сохранять свои гарантии, предусмотренные франко-чехословацким договором, что границ тех уже не существует. Кроме того, Франция явно не могла больше рассчитывать на ответные гарантии со стороны Чехословакии, что нарушало взаимный характер договоров от 25 января 1924 г. и 16 октября 1925 г. и делало их недействительными в глазах экспертов французского МИД²⁹.

Что касается Польши, то записка заместителя директора политического департамента от 5 октября свидетельствует о настроениях французского МИД после Мюнхена: «Предметом пересмотра должны стать скорее политические и военные соглашения, которые связывают нас с Польшей. Таким образом, мы сохраним чисто экономическую и финансовую форму отношений, несравненно более эффективную и менее опасную, чем та, которую мы подтверждали до сих пор. Тем самым, мы гармонизируем ее с политикой британского правительства»³⁰.

Данцигский вопрос тогда еще не стоял со всей остротой, но эвентуальный сценарий отторжения Украины, который доводил до сведения своего министра французский поверенный в делах

в Берлине М. де Монба (M. de Montbas), подразумевал, что А. Гитлер предложит Польше что-то вроде кондоминиума над Украиной. Тот же источник сообщал, что впоследствии Польшу предполагается устранить из этой конструкции или путем переговоров, «или силой, если она заупрямится»³¹.

Французские дипломаты опасались, что со стороны А. Гитлера декларация являлась тактическим ходом, возможно, имевшим целью постепенно разделить Францию и Великобританию. Но для них было важно, что декларация содержала признание франко-германской границы окончательной, заявляла об отсутствии между двумя государствами каких-либо территориальных споров, а также предусматривала взаимные консультации в случае международных осложнений³². В Париже предпочитали думать, что Гитлеру невыгодно «ссориться (с Францией) и он, наоборот, стремится прикрыться с запада, чтобы в наилучших условиях развивать свою экспансию на восток»³³.

Декларация усилила антимюнхенские настроения и подозрительность в отношении Франции в Москве. М. М. Литвинов не верил англо-французским заявлениям о том, что они не намерены исключать СССР из разрешения европейских вопросов: «Им незачем иметь такие намерения... , ибо решать будут не они, а Гитлер. Как Чемберлен, так и Даладь-Бонне, ради соглашения с Германией и Италией пойдут на что угодно. Им, конечно, невыгодно теперь же рвать с нами, ибо они тогда лишатся козыря в переговорах с Берлином. Обратятся они к нам только в том случае, если не вытанцуются соглашение с Берлином и последний предъявит требования, даже для них неприемлемые»³⁴.

Выстраивание системы гарантий

Для французской дипломатии франко-германская декларация была не более чем отсрочкой, позволявшей восстановить дипломатический и военный баланс в Европе. В переписке с министром посол в Берлине Р. Кулондр указывал: «Сотрудничество Франции с Германией может быть благом для обеих стран и нести мир Европе, но оно желательно и даже возможно, только если мы будем сильными. Если же Франция не хочет изнурять себя, упорно и дисциплинированно трудиться, то она должна будет не только отказаться от своего влияния в Европе. Нет такого договора, который гарантировал ее и ее империю от посягательств со стороны Германии»³⁵.

После Мюнхена для Франции наступило состояние тревожного ожидания, и главным стал вопрос об источнике и направлении следующего удара. Рассматривались несколько вариантов: продвижение Германии на восток; нейтрализация Франции (здесь Германия и Италия были одинаково опасны, особенно пока не закончилась война в Испании, в которой были задействованы и немцы, и итальянцы)³⁶; экспансия Германии на восток (в направлении Поль-

ши, для возвращения Гданьска и, возможно, захвата Украины), экспансия Италии в Средиземноморье и колониальная экспансия Германии и Италии против британских и французских владений.

Ввиду возможной войны с Германией и Италией, Франция и Великобритания договорились об организации франко-британского военного сотрудничества³⁷. Правительство Его Величества предоставило гарантии безопасности Франции, заверив Ж. Бонне через своего посла 13 февраля 1939 г.: «Всякая угроза жизненным интересам Франции немедленно должна вызвать совместные действия с Англией»³⁸.

В феврале 1939 г. американский источник предупредил о возможности начала германской агрессии на западе в отношении Нидерландов. Франция и Великобритания пришли к согласию в том, что они будут расценивать возможное нападение на соседей Франции — Бельгию, Нидерланды и Швейцарию — как *casus belli*³⁹. Однако Бельгия отказалась от франко-британских гарантий и от участия в франко-британском плане организации коллективной обороны на западе, заявив о желании сохранять свой нейтралитет⁴⁰.

Еще одним ударом по англо-французскому плану создания системы гарантий был категорический отказ А. Гитлера в ответ на запрос Великобритании и Франции (28 февраля 1939 г.) предоставить гарантии чехословацких границ⁴¹. Можно было предположить, что ближайшие события должны были разыграться на востоке Европы, и расстановка сил в этом регионе внушала тревогу французской дипломатии.

Опасные колебания

Было очевидно, что после чехословацкого кризиса система восточных союзов поставлена под вопрос. В выступлении И. В. Сталина на XVIII съезде ВКП (б) 10 марта прозвучали слова, косвенно адресованные англо-французской дипломатии: «Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликт нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками»⁴².

Польша не желала противодействовать перекройке версальских границ своих соседей. Она выступала за независимость Словакии, хотела бы обсудить с И. фон Риббентропом новый раздел чехословацкого государства и улучшить отношения с Румынией, которая больше не возражала против общей польско-венгерской границы⁴³. Не отказываясь от развития, прежде всего, экономических отношений с западными демократиями, восточноевропейские и балканские страны (Румыния, Болгария, Греция) хорошо встретили британскую и французскую экономические миссии, но результаты переговоров оказались незначительными. Венгрия, не отказываясь от сотрудничества с Западом, заявляла о верности державам «Оси». Балканская конференция 20–22 февраля 1939 г., высказавшись против пересмотра границ и пригласив Болгарию присоединиться к Антанте,

была лишь шагом к созданию балканского пакта, и его судьба была далеко не безусловной. Ориентация ключевых игроков на востоке Европы в возможном конфликте с державами «Оси» не была окончательно определена.

Очередной посол Франции в Москве П. Наджар был одним из сторонников реанимации системы восточноевропейских союзов Франции. Находясь в Москве, он был обеспокоен, так же как его предшественник Р. Кулондр, перспективой разворота СССР к Германии. В связи с появлением в газете «Temps» 16 февраля 1939 г. статьи, в которой было высказано сомнение в действенности франко-советского пакта 1935 г., он настаивал, чтобы Ж. Бонне твердо заявил советскому полпреду, что для него пакт полностью действителен: «Вследствие разочарования, вызванного политикой коллективной безопасности, СССР прилагает усилия, чтобы создать восточную систему безопасности, автономную и способную его прикрыть с Запада. От западных держав зависит, организуется ли эта система в пользу или в ущерб им (курсив мой. — Е. О.). Гармонизация интересов России и ее западных соседей представляет для Франции преимущество только в том случае, если мы к ней политически присоединимся, чтобы не создать у восточных стран — из безразличия к проблемам Востока и Центра Европы или из-за слабости перед лицом Италии — впечатления, что у них нет иного выхода... кроме как договориться с Рейхом, что освободит его для предприятий на Западе»⁴⁴.

Весной 1939 г. становится все более очевидным, что мюнхенская политика не принесла Франции желаемого и что никакого солидарного отпора А. Гитлеру на западе Европы ожидать не приходится. Для сдерживания Германии Франции оставалось вернуться к стратегии ее «окружения» в опоре на восточные пакты.

К гарантийному пакту

15 марта 1939 г. Богемия и Моравия стали протекторатами Рейха, и немцы вступили в Прагу. С одной стороны, стало понятным, что А. Гитлера интересовали не только «исконно немецкие», но и славянские земли, с другой стороны, Лондон и Париж, казалось, могли утешаться мыслью, что агрессивные устремления Германии направлены на восток. Французское правительство, вслед за Великобританией, решило воздерживаться от резких действий, но упрекало Германию за то, что она не прибегла к взаимной консультации, предусмотренной франко-германской декларацией 6 декабря 1938 г. Великобритания не предприняла никакой дипломатической акции в Берлине и вместе с Францией ограничилась приостановкой экономического сотрудничества с Германией⁴⁵.

«Начинается, как будто, какой-то решительный перелом в политике Англии и слепо следующей за ней

Франции», — докладывал в Москву полпред Я. З. Суриц⁴⁶. Отрезвление наступило в том смысле, что в Париже не сомневались в агрессивных планах А. Гитлера и не верили больше в возможность умиротворения. Гитлера начали бояться больше, чем Б. Муссолини. Особенно выросло беспокойство после 26 марта, в связи с угрозой Данцигу и твердой позицией Польши, заявившей о готовности защищать свои права. В начале апреля визит Ю. Бека в Лондон свидетельствовал о переориентации Польши с Германии на Францию и Великобританию. Но этот поворот уже не радовал: в сложившихся обстоятельствах он усиливал угрозу франко-германского столкновения, поскольку потребовал от Франции выполнения ее обязательств.

Только теперь Ж. Бонне внял настойчивым советам своих послов в Москве относительно реанимации восточных пактов Франции и проявил большую политическую волю, направленную на строительство общеевропейской системы гарантийных пактов, «опоясывающей» агрессивные державы, прежде всего Германию. Эта система должна была сдерживать Германию и Италию, отвращая их от агрессии, которая в силу франко-британских гарантий Польше могла привести к общеевропейской войне.

Хотя эта политика называлась, как и после Мюнхена, «политикой гарантий», ее содержание изменилось. По сути, Франция возвратилась к системе союзов кануна Первой мировой войны, стремясь приобщить к ней максимальное число сторонников. Ж. Бонне удалось добиться соглашения с Турцией, подкрепленного военной конвенцией. При этом французский посол в Анкаре Р. Массигли жаловался Бонне на досадные задержки в переговорах по политическому соглашению по вине Лондона⁴⁷. Польско-французский альянс 1921 г. еще действовал, но Франция считала необходимым уточнить взаимные обязательства. 21 марта польский представитель в Париже заявляет о готовности Польши выполнить все обязательства в отношении Франции.

Сложнее дело обстояло с франко-советским пактом, который Париж стремился реанимировать, и в теснейшем сотрудничестве с Лондоном. Настало время вспомнить о позиции СССР в момент чехословацкого кризиса, в сентябре 1938 г. Никаких конфиденциальных разговоров между Ж. Бонне и Я. З. Сурицем в то время не велось, что свидетельствует о формальном характере обращения Франции к СССР. Но в ответ на запрос французского правительства о позиции СССР в случае германского нападения на Чехословакию Москва заявила, что она намерена выполнить все свои обязательства по пакту и вместе с Францией оказывать помощь Чехословакии и что «военное ведомство СССР готово немедленно принять участие в совещании представителей французских и чехословацких военных ведомств для обсуждения мероприятий, диктуемых моментом»⁴⁸. Выше говорилось о том, насколько французское

правительство было в тот момент не заинтересовано в том, чтобы задействовать франко-советскую ось безопасности.

В то время как Лондон не отказался от политики умиротворения вплоть до августа 1939 г., после 15 марта Франция осознала, что умиротворить Германию ценой новых политических соглашений типа мюнхенского вряд ли удастся. 1 апреля 1939 г. Ж. Бонне просил Я. З. Сурица запросить, какой будет позиция СССР, если Германия нападет на Польшу и Румынию. М. М. Литвинов в польском вопросе не доверял французскому министру: «Если англичане только ссылаются на антисоветскую позицию Польши, то Бонне, вероятно, эту позицию укрепляет, действуя заодно с Беком»⁴⁹. Действительно, внутреннее положение Бонне отличалось от положения Н. Чемберлена, он постоянно был под обстрелом коммунистической оппозиции — бывших союзников-соперников по Народному фронту, превратившихся в заклятых врагов. Коммунистическая угроза для него, так же как для Польши, имела не только международное, но и внутривластное измерение.

Через несколько дней Я. З. Суриц узнал, что на заседании французского кабинета 5 апреля Ж. Бонне, после согласований с Лондоном, предложил начать консультации с Москвой по трем направлениям:

- 1) реактивация франко-советского пакта и его пересмотр, поскольку в новых условиях им должны гарантироваться Польша и Румыния в случае нападения на них Германии и выполнения Францией ее союзнических обязательств в отношении этих стран;
- 2) заключение соглашения Великобритании, Франции, СССР и Польши о совместных мерах противодействия Германии;
- 3) заключение пакта взаимопомощи между Польшей, Румынией и СССР.

Система была основана на исторически проверенной стратегии «окружения» Германии. О невозможности противостоять Германии в отсутствие советско-польского соглашения еще 18 октября 1938 г. писал министру Ж. Бонне посол Франции в Москве, а потом в Берлине Р. Кулондр. Он задавался вопросом: «В случае, если проводимая ныне политика окажется неэффективной и если потерпят провал все попытки общеевропейского урегулирования, смогут ли Франция и Англия, вынужденные создавать оборонительную систему союзов для сдерживания германской агрессии, подтолкнуть Польшу к более правильному пониманию ее жизненных интересов и, во имя союза с западными державами и под страхом изоляции, которая оставит ее на милость Германии, заставить ее пойти на военный союз с Советами?»⁵⁰. В министерстве тогда этому предупреждению не вняли и не вели серьезных разговоров с Польшей в пользу военных польско-советских договоренностей вплоть до середины августа 1939 г.

7 апреля Ж. Бонне в разговоре с советским полпредом Я. З. Сурицем «в туманных выражениях» коснулся всех вышеперечисленных возможностей, но не сделал никаких официальных предложений. Докладывая о французских демаршах в Москву, Суриц предупреждал: «По-видимому, Бонне хочет, чтобы мы взяли на себя обязательство по отношению к Польше и Румынии и приняли на себя главный удар со стороны Германии»⁵¹. Только на следующий день французский министр попросил передать в Москву, что он считает желательным немедленное начало переговоров с СССР, чтобы выяснить меры в случае нападения Германии на Румынию и Польшу. Суриц прокомментировал: «Учитывая нежелание Польши присоединиться к общему пакту, Бонне предлагает, по-видимому, вариант № 1»⁵².

Консультации Ж. Бонне с советским полпредом происходили в те апрельские дни чрезвычайно интенсивно, но французской дипломатии не удалось преодолеть недоверие с советской стороны. 10 апреля, в дополнение к предложению от 8 апреля, Бонне прощупывал возможность заключения двусторонних пактов о взаимопомощи между СССР, Польшей и Румынией, заявляя о готовности Франции «хоть сейчас» подписать декларацию трех держав — Франции, Великобритании и СССР.

11 апреля 1939 г. М. М. Литвинов из Москвы направил Я. З. Сурицу инструкцию: «Необходимо теперь быть особенно точными и скупыми на слова в переговорах о нашей позиции в связи с современными проблемами... После истории о совместной декларации в разговорах с нами англичан и французов не содержались даже намеки на какое-либо конкретное предложение о каком-либо соглашении с нами... Выясняется желание Англии и Франции, не входя с нами ни в какие соглашения и не беря на себя никаких обязательств по отношению к нам, получить от нас какие-то обязывающие нас обещания. Нам говорят, что в наших интересах защита Польши и Румынии против Германии. Но мы наши интересы всегда сами будем сознавать и будем делать то, что они нам диктуют. Зачем же нам заранее обязываться, не извлекая из этих обязательств никакой выгоды для себя?»⁵³ (подчеркнуто красным в документе. — Е. О.).

Разногласие и взаимное недоверие

14 апреля последовал официальный демарш французской стороны. Ж. Бонне предложил СССР обменяться письмами следующего содержания: «В случае, если Франция, в результате помощи, которую она окажет Польше или Румынии, будет находиться в состоянии войны с Германией, СССР окажет ей немедленную помощь и поддержку. В случае, если СССР в результате помощи (подчеркнуто в документе — Е. О.), которую он окажет Польше и Румынии, будет находиться в состоянии войны с Германией, Франция окажет СССР немедленную помощь и поддержку. Оба государства без промедления договорят-

ся об этой помощи и примут все меры для обеспечения ее полной эффективности»⁵⁴. Эти письма должны были стать дополнениями к франко-советскому пакту. 15 апреля английский посол У. Сидс запросил М. М. Литвинова, не пожелает ли СССР выступить с публичным заявлением о готовности оказать помощь любому из своих европейских соседей, попросившему его об этой помощи⁵⁵. Ж. Пайяр (новый посол Франции в Москве) заявил В. П. Потемкину (замнаркома, курирующему отношения с Западом), что французское правительство присоединяется к этому демаршу, но не снимает собственных предложений.

Передавая французские предложения в Москву, Я. З. Суриц осторожно и не без оговорок высказался в пользу положительного ответа. Он констатировал изменение отношения французской печати и правительства к СССР: «Исчезли нападки в печати, ни следа от прежнего высокомерия в разговорах с нами. Говорят с нами скорее языком просителей, ... как люди, в нас, а не мы в них, нуждающиеся. Мне кажется, что это уже не только „маневры“, ... а сознание..., что война нависла. Мне кажется, что такого взгляда держится сейчас Даладьё. *Даладьё (по сообщению наших друзей) искренне сейчас добивается сотрудничества с СССР*»⁵⁶ (курсив мой. — Е. О.).

Однако недоверие к маневрам «классового врага» не покидало советского полпреда, и он предупредил: «Эта дипломатическая игра оставляет достаточно места для того, чтобы взвалить и на нас вину за „провал комбинации“. В такую ловушку мы можем попасть, если ответим немотивированным отказом и на последнее предложение французов. Но, с другой стороны, само предложение представляется мне крайне опасным. Ведь речь по существу идет о том, чтобы мы приняли на себя тяжелейшие обязательства и без всякой взаимной гарантии. *У нас нет никакой уверенности, что во время войны нас не предадут и не ударят нам в тыл* (курсив мой; по-видимому, речь идет о Польше и Румынии. — Е. О.). Мне, поэтому, кажется, что мы должны дать согласие на переговоры, но не идти ни на какие обязательства без встречных гарантий»⁵⁷.

Перед отправкой своих предложений Я. З. Сурицу Ж. Бонне поручил французскому военному атташе О. Паласу связаться с Наркоматом обороны. 13 апреля Палас просился на прием к К. Е. Ворошилову, чтобы поставить перед ним конкретные вопросы, относящиеся к возможностям сотрудничества французского и советского генштабов в случае военного конфликта с Германией, но Ворошилов его не принял, посоветовав обратиться в НКВД.

Наркомы ждали политического решения И. В. Сталина, и с его согласия 17 апреля последовало советское контрпредложение о заключении трехстороннего советско-англо-французского пакта на 5–10 лет о взаимных обязательствах оказывать друг другу «немедленную всяческую помощь,

включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств» (п. 1). Пункт 2 предусматривал оказание помощи государствам, расположенным на границе СССР от Балтийского до Черного морей. Согласно пункту 3, формы, размеры и методы помощи должны быть предусмотрены в военной конвенции, которая должна быть подписана одновременно с политическим соглашением. Опасаясь сепаратных соглашений между западными демократиями и Германией, советская сторона включила пункт 6, согласно которому «Англия, Франция и СССР обязуются, после открытия военных действий, не вступать в какие бы то ни было переговоры и не заключать мира с агрессорами отдельно друг от друга и без общего всех трех держав согласия»⁵⁸. Предполагалось, что пакт должен быть дополнен особым совместным соглашением о взаимной помощи с Турцией.

Отсылая эти предложения в Париж, М. М. Литвинов дал полпреду СССР во Франции Я. З. Сурицу указания, свидетельствующие о глубоком недоверии к руководителям французской внешней политики, особенно к Ж. Бонне. «Имея дело с Бонне, приходится принимать всякие меры предосторожности», поэтому желательно было передать точную версию непосредственно Э. Даладьё. При этом нарком не хотел «создавать впечатление нашей заинтересованности в принятии нашего предложения»⁵⁹. В свою очередь, Суриц высказал соображение, которое позволяет усомниться в том, что он вообще всерьез принимал начавшиеся переговоры: «Учитывая, что советский проект имеет мало шансов быть принятым Чемберленом и Бонне», он расценивает «его больше как очень *интересно задуманный тактический шаг*»⁶⁰ (курсив мой. — Е. О.). Означало ли это, что уже тогда рассматривалась возможность соглашения с Германией? В переписке наркомата с советским полпредом в Париже нет на этот счет никаких намеков.

Англо-франко-советские политические переговоры были осложнены тем обстоятельством, что их участники не собирались за одним столом — это следовало из специфики отношений между англо-французской парой, с одной стороны, и Советским Союзом, с другой. Это был обмен предложениями через послов, паузы, заполненные долгим ожиданием ответа, согласованием англо-французских позиций. Каждая сторона принимала решения, исходя не только из международных, но и внутривнутриполитических интересов. Ответа на первое советское контрпредложение от 17 апреля пришлось ждать из Парижа — 8 дней, до 25 апреля, а из Лондона — 21 день, до 8 мая.

Важно также, что переговоры по соглашению проходили в обстановке крайнего взаимного недоверия и взаимных подозрений, отнюдь не беспочвенных, в стремлении договориться с А. Гитлером. В этом, думается, заключена главная причина их

провала. Предполагаемый пакт был вынужденным, продиктованным неотвратимой угрозой столкновения с Германией, и кардинальным образом расходился с политическими и личными предпочтениями Ж. Бонне и Э. Даладье, которых в Москве называли «мюнхенцами». В Москве также понимали, что обращение к СССР было резким поворотом в их дипломатии, и не считали этот поворот окончательным. СССР испытывал сильное недоверие и неприязнь к «мюнхенцам», подозревая их в желании столкнуть его с Германией. Советский полпред считал главу французской дипломатии Бонне «главным соглашателем с Гитлером и Муссолини»⁶¹. Он отмечал, что после событий 15 марта (захвата Гитлером Праги) Бонне следует «за Чемберленом, который стремится построить барьер против дальнейшего продвижения германской агрессии и готов эту плотину строить даже совместно с СССР». Но французский министр иностранных дел «по примеру прошлогодних сентябрьских дней старается на первый план выпятить все трудности проекта, позиции Польши, колебаний Румынии и т. д. Можно ли хотя бы на один момент усомниться, что он в глубине души мечтает о скорейшем срыве всей этой английской затеи, перечеркивающей все, что он делал и над чем трудился в течение своего министерского стажа. Возможно, что Даладье смотрит на все это иначе, но лишь до первого кивка со стороны Берлина и особенно Рима»⁶².

В ожидании ответа из Парижа и Лондона, 23 апреля 1939 г. М. М. Литвинов размышлял о причинах задержки: «Возможно, опять выжидают очередную речь Гитлера 28 апреля, — авось, опять запахнет миром и можно будет вернуться на мюнхенские позиции. Такой рецидив у Чемберлена и Бонне отнюдь не считаю исключенным»⁶³. Я. З. Суриц настолько не доверял Бонне, что опасался высказаться в пользу действительного соглашения с Францией. «Сейчас... дело похоже на то, что весь шум и вся канитель, поднятые вокруг „сотрудничества“ с нами, окончится обычным блефом... Бонне и Чемберлен, которые никогда всерьез этого „сотрудничества“ не желали, будут стараться возложить всю ответственность за провал на нас. Это для них может быть облегчено туманом и тайной, которыми окружены переговоры». Суриц жаловался, что в ответ на расспросы о переговорах ему «приходится вовсю юлить». «Я твердо уверен, — добавляет он, — что пока гром по-настоящему не грянет, здесь в Париже никакой „твердости“ не дожидаться»⁶⁴. Не стоит также забывать, что ожидание ответа из Парижа и Лондона, так же как весь период лета 1939 г., были осложнены серьезными и даже драматическими изменениями в наркомате иностранных дел. 3 мая М. М. Литвинова сменил В. М. Молотов, и подобная смена была чревата не только обновлением внешнеполитического курса, но и жестоким отстранением людей Литвинова. Неверный или расходящийся с новой

линией руководства дипломатический прогноз для полпреда мог обернуться трагически.

Несмотря на то, что в то время Франция была самым серьезным образом заинтересована в действенном договоре с СССР и французская позиция по существу отличалась от британской, в Москве этого по-прежнему не замечали или не хотели замечать. В противном случае советская дипломатия могла бы попробовать договориться, в первую очередь, с Парижем, что было бы вполне естественным благодаря существованию советско-французского пакта 1935 г.

11 мая 1939 г. в прямой связи с полученными ответами Франции и Великобритании на советские контрпредложения 17 апреля, в «Известиях» была опубликована статья «К международному положению», в которой намеренно была допущена неточность. Посол Франции Ж. Пайяр попросил В. М. Молотова, сменившего М. М. Литвинова на посту наркома иностранных дел, разъяснений по поводу содержащейся в статье фразы: «Не имея пакта взаимопомощи ни с Англией и Францией, ни с Польшей... и т. д.». Молотов ответил, что эта фраза является «формально неточной». «У СССР есть такой договор с Францией. Более существенным является вопрос, эффективен ли советско-французский договор о взаимной помощи. Эффективность договора более важна, чем его формальное существование»⁶⁵. Эффективность означала дополнение политического соглашения военным.

Медлительность британского МИДа косвенно свидетельствует о том, что французская сторона гораздо больше была заинтересована в успехе переговоров. Ж. Пайяр настаивал перед В. М. Молотовым, чтобы СССР не рассматривал позиции Лондона и Парижа, хотя они и согласованы, как единую англо-французскую позицию. Французские предложения «идут гораздо дальше британских». В речи перед Национальным собранием 27 июня Э. Даладье призвал закончить «чрезмерно затянувшиеся переговоры и добиться соглашения с народами, решившими сопротивляться агрессии»⁶⁶.

1 июля Ж. Бонне подтвердил через германского посла в Париже Г. фон Вильчека, что Франция выполнит обязательства, данные Польше 31 марта 1939 г. Продолжая строительство системы гарантий, Франция заключила соглашение с Турцией, уступив ей территорию нынешнего иля Хатай с центром в городе Александретта (тур. Искендерун), которую Турция оспаривала у Сирии. «Военная гарантия Румынии и Греции была бы пустым звуком без франко-турецкого и англо-турецкого соглашений», — писала газета «République»⁶⁷. То, что Турция — краеугольный камень восточно-средиземноморского равновесия — пошла на соглашение с западными демократиями, по мнению французской прессы, было залогом возможного соглашения с СССР. Статья одного из наиболее влиятельных правых журналистов-«антимюнхен-

цев» А. де Кериллиса (H. de Kerillis) демонстрирует новую расстановку сил в предвоенной Франции: для тех, кто видел главную угрозу Франции в гитлеризме, очевидна была необходимость союза с СССР, как и опасность союза СССР с Германией. «Разве могла Турция, — пишет А. де Кериллис, — находясь в течение 15 лет в тесном союзе с СССР, вступить в лагерь западных стран на другой день после проезда В. П. Потемкина через Анкару, если бы советский министр наложил свое вето или сделал хотя бы одно формальное возражение? Можно думать, что если Турция вступит в союз с западными демократиями, то и СССР вступит»⁶⁸. За месяц до того, в связи с назначением нового наркома, когда встал вопрос о продолжении курса М. М. Литвинова, тот же Кериллис предупреждал: «В течение последних пяти лет в СССР преобладала прозападная партия. Этим объясняется, что Тухачевский и генералы, которые выступали за соглашение с Германией, расстреляны. Этим объясняется подписание франко-советского пакта взаимопомощи, вступление СССР в Лигу наций, которую он когда-то называл „публичным домом буржуазных государств“. Но если, к несчастью, в СССР победит прогерманская партия, — тогда конец Европе»⁶⁹. Радикал П. Кот выступил в пользу союза с СССР. Он напомнил, что без русской помощи Франция не смогла бы выиграть войну 1914 г. «Мы, французы, никогда не будем достаточно многочисленны, чтобы создать плотину мира. Без русских восстановление фронта на Марне в 1914 г. было бы невозможно»⁷⁰, — вторил ему Э. Бюре в «Ордр».

Это была логика разрыва с Мюнхеном. К этой логике склонялись и Э. Даладьё с Ж. Бонне. Но Франция надеялась, что и СССР отойдет от логики Рапалло. Драматическим образом именно тогда, когда во французском общественном мнении произошел поворот от Мюнхена к союзу с СССР (Россией), в СССР победила жесткая прагматическая линия, выразителем которой был В. М. Молотов. Последующие события показали, что, в отличие от М. М. Литвинова, он допускал возможность договориться как с западными демократиями (при условии, что этот договор предоставит действительные гарантии безопасности СССР), так и с Германией.

Ключевым звеном в строящейся системе гарантий оставалась Польша, которая, как заключил В. М. Молотов из разговора с польским послом в Москве В. Гжибовским, «не хочет в данный момент связывать себя каким-либо соглашением с СССР или согласиём на участие СССР в гарантировании Польши, но не исключает последнего на будущее»⁷¹ (курсив мой. — Е. О.). И в Париже заинтересованно следили за развитием советско-польских отношений. Надежду вселяла поездка замнаркома В. П. Потемкина в Варшаву и его переговоры с Ю. Беком. Ж. Тувенен расценил улучшение советско-польских отношений как знак, «что может быть найдена практическая база для соглашения»⁷². В этой связи Поль Бонкур

(«Пари Суар», 11.05.1939) отмечал: «Франко-советско-польский пакт, связанный с франко-чехословацко-советским пактом и соглашением с Румынией..., могли бы гарантировать навсегда Польшу и мир. Необходимо Польше понять, что ее сопротивление гитлеровским предприятиям нельзя себе представить, каковыми бы ни были ее сила и храбрость, без соглашения с Россией, без помощи России»⁷³. Однако французская дипломатия на том этапе полагалась в этом вопросе на добрую волю советской и польской дипломатий и не стремилась оказывать давление на Польшу.

Советский Союз был не удовлетворен тем, что ему предложено дать односторонние гарантии Польше и Румынии без взаимных обязательств оказать ему помощь, если он будет вовлечен в войну. Кроме того, первостепенной угрозой для себя он считал возможное нападение Германии не через Польшу, которая уже гарантирована Великобританией и Францией и готова обороняться, а через прибалтийские государства. К тому же, в Москве добивались одновременного заключения политического и военного соглашения. Последнее могло придать эффективность трехстороннему пакту.

Париж в поисках компромисса

Начался второй раунд переговоров, и М. М. Литвинов, получив от Ж. Бонне новые французские предложения, сообщил И. В. Сталину 28 апреля 1939 г.: «1) Видоизмененное предложение Бонне звучит почти издевательски. Мы получим помощь лишь в том случае, если Англия и Франция по своей инициативе окажутся в конфликте с Германией, и они будут получать нашу помощь. 2) Есть разница положительного характера: в первоначальном предложении говорилось лишь о Польше и Румынии, в новом — о предупреждении всяких изменений, навязанных силой в статус кво Центральной и Восточной Европы. К Восточной Европе должны быть причислены и Балтийские страны, если Бонне мысленно их не исключил». Далее Литвинов советовал выждать, пока очередная речь А. Гитлера «укрепит нашу позицию». Нарком дал Я. З. Сурицу распоряжение «не обращаться ни к Бонне, ни к Даладьё за какими-либо уточнениями, чтобы не создать у них впечатления о нашей готовности отнестись серьезно к французским предложениям»⁷⁴ (курсив мой. — Е. О.).

В конце мая англо-французская сторона пошла на уступки, согласившись с двусторонним характером обязательств и с расширением содержания переговоров. В ответе Москвы, переданном 2 июня, отклонен пункт, предусматривающий, в случае агрессии, обращение к процедурам Лиги наций. СССР настаивал на внесении в проект соглашения обязательства, исключающего возможность сепаратного мира или перемирия, и предложил определить срок действия договора на пять лет с предупреждением за полгода

относительно его возобновления. Это предложение вызвало серьезные возражения в Лондоне, но было принято Парижем (в проекте от 8 июля)⁷⁵.

Возникают расхождения в определении круга гарантируемых стран. Англо-французская сторона указывала в качестве таковых Польшу, Румынию, Грецию, Турцию и Бельгию, а также страны, которым они готовы оказать помощь, если те о ней попросят: Нидерланды, Швейцарию и все прибалтийские государства. СССР не был заинтересован в гарантиях странам, обеспечивающим только безопасность границ Франции. Требование СССР (02.06.1939) включить в список гарантируемых Латвию, Эстонию и Финляндию было на тот момент отклонено Лондоном. Зато Э. Даладь в статье о положении лимитрофов в случае германо-польского конфликта, опубликованной в «Эпок», выступил в защиту советской позиции: «Германия желает нейтрализовать прибалтийские страны, имея целью конфликт с Польшей... Надо напомнить им, как Германия денонсировала свой пакт 1934 г. с Польшей, когда это показалось ей удобным... Лучшей гарантией независимости прибалтийских стран было бы их вступление в коллективные действия с Польшей и СССР, которые опираются на Англию и Францию. Но они как будто еще не готовы вступить на этот путь»⁷⁶.

В англо-французском проекте от 1 июля 1939 г. дано согласие не прибегать к длительным процедурам Лиги наций и дать гарантии Финляндии, Латвии и Эстонии, но в качестве гарантируемых стран фигурируют нейтральные Швейцария, Люксембург и Нидерланды. Французский МИД предложил не публиковать этот список, а дать его в приложении. Отсутствовал в новом предложении и важный для СССР пункт о невозможности сепаратного мира. В ответ Москва настаивала на исключении гарантий со стороны СССР нейтральным странам и на внесении в текст соглашения условия оказания помощи в случае не только прямой, но и косвенной агрессии⁷⁷. В. М. Молотов считал, что тем самым обходится важнейший для Советского Союза вопрос о гарантиях северо-западных границ. Кроме того, Москва так и не получила согласия на начало переговоров по военному соглашению в дополнение к политическому договору. Молотов заявил, что это «сводит весь проект к простой декларации»⁷⁸. Свое суждение он повторил после получения франко-британских предложений от 16 июля, несмотря на готовность Парижа и Лондона внести в договор определение косвенной агрессии. По мнению Кремля, все уступки западных демократий недействительны, пока они не конкретизированы в военном соглашении⁷⁹.

Несмотря на серию уступок советским требованиям, переговоры по тройственному пакту обнаруживали ответное недоверие с англо-французской стороны. В советском требовании внести в текст определение «косвенной агрессии» во второй версии (предусматривающей выполнение обязательств,

если сила или угроза силой приведет к власти в гарантируемых странах прогерманские правительства) западные державы усматривали опасные черты «политики à la russe», царистской или большевистской, т. е. стремление к экспансии на пространстве бывшей Российской империи⁸⁰. Ж. Бонне в беседе с Я. З. Сурицем (6 июля 1939 г.) заявил, что формулировка, внесенная советской стороной, означает вмешательство во внутренние дела этих стран⁸¹. Западные демократии с полным пониманием относились к чувствам прибалтов, поляков и румын, которые боялись восточного соседа.

Только сообщение НКВТ СССР о возобновлении переговоров о торговле и кредитах с Германией (22 июля) повлекло за собой согласие Парижа и Лондона (27 июля) на военные переговоры в Москве. Посол Франции в Москве П. Наджиар предупредил Ж. Бонне в начале августа, что неудача переговоров по тройственному пакту может привести к соглашению между Берлином и Москвой, а это «было бы сигналом к смерти для балтийских государств»⁸². Затягивание франко-англо-советских политических переговоров, по мнению французского поверенного в делах в Берлине де Сент-Ардуэна, могло «подать фюреру идею молниеносного броска для уничтожения польской армии, чтобы поставить англо-французских союзников перед свершившимся фактом. И опасность эта существует, пока не будет разрешена русская загадка» (пока не ясна позиция России)⁸³.

В августе многие во Франции чувствовали неотвратимость войны из-за Данцига и Польши. Ж. Бонне считал очевидным, что «в недели после 15 августа следует ожидать решающих событий»⁸⁴. Советское требование дополнить политическое соглашение по англо-франко-советскому пакту военной конвенцией не встретило возражений, тем более что оно повторяло схему соглашения с Турцией. Однако между британским и французским МИДами не было единства в отношении к этим переговорам.

Решающая стадия

Французская сторона усматривала в настойчивом желании СССР дополнить обсуждавшееся политическое соглашение военным признаком серьезности намерений дать гарантии Польше. Французской делегации на московских переговорах дано указание Ж. Бонне «прийти к соглашению как можно скорее, не увязая в деталях»⁸⁵.

Лондон по-прежнему возлагал надежды на умиротворение Германии, вел интенсивные переговоры с Германией, предлагая ей посредничество по Данцигу. Британской делегации, медленно плывущей в СССР вместе с французами (якобы для того, чтобы не подвергать опасности перелета группу высокопоставленных военных), было дано указание затягивать переговоры. Глава британской миссии ознакомил французского посла П. Наджиара с инструкциями Н. Чемберлена. Французский дипломат

был шокирован их содержанием. Он, так же как глава французской военной миссии генерал Ж. Думенк, считал, что «во-первых, эти инструкции противоречат договоренностям между тремя правительствами, согласно которым военные переговоры продолжатся одновременно с урегулированием оставшихся разногласий по политическому соглашению. Кроме того, *они страшно опасны*, если только британское правительство не хочет аннулировать столь важные результаты, уже достигнутые, и не желает втайне провала переговоров, публично заверяя о надеждах на их успешное завершение»⁸⁶ (курсив мой. — Е. О.). Это сообщение, адресованное министру Ж. Бонне, свидетельствует о принципиальных расхождениях в намерениях Парижа и Лондона относительно действительных перспектив англо-франко-советского пакта и московских переговоров. Видимо, весьма скромный состав участников англо-французской делегации и их неспешная поездка в Москву — дело рук британцев. Несмотря на отмеченную французскими представителями сердечность, проявленную московскими хозяевами переговоров, те не упускали случая напомнить о несоответствии скромного статуса участников переговоров с англо-французской стороны статусу советской делегации, состоящей из пяти первых лиц советской военной верхушки⁸⁷.

СССР, который сам со 2 августа практически начал секретные переговоры с Германией, постоянно боялся сепаратного соглашения Берлина с Парижем и Лондоном. Кроме того, он не хотел быть простым орудием в политике и стратегии западных держав. Равноправие — главное требование советской стороны на переговорах по тройственному пакту. Таким образом, с начала и до разрыва московских переговоров Франция оставалась стороной, наиболее заинтересованной в их успехе.

В глазах И. В. Сталина о серьезности военных намерений Франции и Великобритании и о действительности пакта должен был свидетельствовать ответ на вопрос, будут ли пропущены советские части для оказания военной помощи в случае начала агрессии через территории Польши и Румынии. Даже если сомневаться в искренности советской стороны, отношение к этому вопросу французской стороны представляется принципиально важным.

В письме П. Наджиара Л. Ноэлю (послу в Польше) от 24 августа 1939 г. содержится косвенное подтверждение, что в течение пяти месяцев трехсторонних переговоров французская сторона не вела на этот счет с Варшавой никаких политических консультаций. Наджиар считал, что еще до начала военных переговоров в Москве следовало бы добиться от Польши хотя бы молчаливого секретного согласия на проход советских войск под французские гарантии территориальной целостности Польши (7 августа)⁸⁸.

Вопрос о пропуске советских войск через Польшу, вызвавший приостановку московских переговоров с 17 по 21 августа, когда счет шел буквально на

часы, был адекватно оценен французской стороной. Париж настоятельно советовал Варшаве воспользоваться советско-польскими торговыми переговорами и дополнить их соглашением о военном сотрудничестве. Докладывая о разговоре с послом Польши в Москве В. Гжибовским 7 августа, П. Наджиар писал Ж. Бонне: «Желая успеха англо-франко-русским переговорам и опасаясь, как бы их провал не создал условий для создания Германией вместе с СССР союза, который был бы губительным для Польши так же, как для Франции и Англии, правительство в Варшаве, кажется, не отдает себе отчета в неотложной необходимости внести в текущие (польско-советские торговые) переговоры пункт о сотрудничестве, без которого военная помощь России, как бы она ни была четко определена на бумаге, останется недействительной»⁸⁹. Видимо, именно уверенность в бесплезности давления на Польшу в этом вопросе была главной причиной того, что это давление не осуществлялось французской дипломатией до критической даты.

Только между 15 и 20 августа, после заявления К. Е. Ворошилова о приостановке переговоров до получения ясного ответа из Варшавы о пропуске войск, французское правительство начало энергичное давление на польскую сторону⁹⁰. Для членов французской делегации настойчивость СССР в этом вопросе свидетельствовала о том, что «русские не собираются с балкона наблюдать, но по-настоящему вмешаться» в случае агрессии против Польши⁹¹.

Неудача миссии Мюсса

16 августа, когда переговоры были приостановлены К. Е. Ворошиловым, Ж. Бонне и Э. Даладьё послали в Варшаву генерала Мюсса (Musse), военного атташе в Польше, для переговоров с польским генштабом. Бонне писал послу Ноэлю: «Надо убедить Варшаву принять помощь русских»⁹². «Главное, чтобы они не заняли позицию, которая приведет к разрыву наших переговоров с русскими», — настаивал П. Наджиар в письме Бонне 17 августа, сообщая об отъезде в Варшаву капитана А. Боффра от Ж. Думенка с информацией о переговорах⁹³. Похоже, неуступчивость Польши вызывала досаду союзников, хотя они и принимали весомость психологических и политических причин отказа.

Одновременно происходила англо-германская встреча по Данцигу, и на этом фоне непримиримость Ю. Бека вызывала в Париже еще большее раздражение. 16 августа Ж. Бонне поручил Л. Ноэлю срочно информировать польское правительство о том значении, которое он придает разрешению вопроса о пропуске советских войск. Сам он не надеялся на успех этого демарша. У него сложилось впечатление, что посол Польши Лукашевич «не отдает себе отчета в опасности, которой вследствие этого непонимания подвергается его страна»⁹⁴. Вместе с тем, резкость К. Е. Ворошилова не оставляла сомнений

в том, что от Варшавы необходимо для возобновления переговоров добиться положительного ответа, «официального, чисто формального, или хотя бы молчаливого согласия» (*officielle, officieuse et même tacite*)⁹⁵. Польской стороне переданы конкретные советские предложения. При этом ее внимание обращено на то, что условия прохода советских войск строго ограничены выполнением *союзнических* обязательств, а территориальная целостность Польши при этом гарантирована Великобританией и Францией⁹⁶. Складывалась достаточно парадоксальная ситуация, когда два западных гаранта вынуждены были дать Польше гарантии против третьего гаранта — СССР.

Как и предполагал Ж. Бонне, миссия военного атташе Франции в Польше генерала Мюсса не удалась. В Варшаве царили совершенно иные настроения. Там не придавали московским переговорам решающей роли. И эти настроения передались генералу Мюссу. Еще 7 августа 1939 г. он писал в своем донесении: «Польша не изменит своей позиции, и если Гитлер поймет, что, атаковав Польшу, он развяжет всеобщую войну, он вовремя остановится. Что касается возможного влияния исхода московских переговоров на решения фюрера, то не надо его преувеличивать. Главное, чтобы Рейх не мог в своих расчетах представить себе, что СССР может встать на его сторону. Впрочем, кажется, эта возможность исключена»⁹⁷.

19 августа, после трехчасовых переговоров с генералом В. Сташевичем и по соглашению с Ю. Беком британский и французский военные атташе вынуждены были заявить Э. Даладье, что их миссия закончилась неудачей: «Наша делегация в Москве может действовать, как если бы никакого вопроса перед поляками не было поставлено»⁹⁸.

Мюсс не разделял раздражения своих коллег, находившихся в Париже и в Москве. Он сочувствовал польской позиции и 20 августа назвал сопротивление поляков «непреодолимым, поскольку оно основано на священном принципе». В дипломатической лексике решение, принятое на переговорах в Варшаве относительно франко-английского демарша, звучало достаточно категорично: его следовало расценивать как «*non du*». Из Варшавы доложили: «Французская делегация свободно может контратаковать русских по поводу их преждевременных и нечетких требований. Поляки уверены, что это шантаж и что Советы физически не способны осуществлять предусмотренные наступательные действия»⁹⁹.

В результате, к назначенной К. Е. Ворошиловым дате возобновления переговоров в Москве — 21 августа — согласие из Варшавы не было получено, и, несмотря на отчаянные попытки спасти переговоры, в одиночку предпринимаемые генералом Ж. Думенком, Ворошилов заявил о незаинтересованности в их дальнейшем продолжении. Дело в том, что Думенк, прекрасно осведомленный о провале миссии Мюсса, пытался уверить Ворошилова в ее успехе. Генерал

сообщил наркому, что «получил от (своего) правительства разрешение дать утвердительный ответ на вопрос, поставленный советской делегацией». Ворошилов просил ознакомить его с официальным документом, это подтверждающим, и интересовался, имеется ли аналогичный ответ у английской миссии.

Ж. Думенк был вынужден признать, что прямого ответа нет, но правительство дало ему право подписать военную конвенцию, в которой будет упомянуто разрешение на пропуск советских войск в предложенных советской стороной пунктах. К. Е. Ворошилов ответил, что ему недостаточно заявлений только Думенка: «Английская миссия, как мне кажется, играет если не доминирующую, то равнозначущую роль во всех наших переговорах. Поэтому без ответов английского правительства на наш вопрос... трудно будет продолжать работу совещания». Ворошилов выразил сомнение, что «положительный ответ из Парижа согласован с поляками. В противном случае, они захотели бы присоединиться к переговорам. Поскольку этого нет, значит, они не в курсе или не согласны». Нарком хотел, чтобы «эти ответы содержали точное указание о том, что Польша об этом знает. Мы не хотим, чтобы Польша демонстрировала свой отказ от нашей помощи, которую мы ей не собираемся навязывать», и предлагал подождать, «пока все станет ясным».

Ж. Думенк настаивал на немедленном подписании военного соглашения, поскольку «уже объявлено, что кое-кто должен приехать, и мне эти визиты не доставляют удовольствия». Это был намек на прибытие в Москву И. фон Риббентропа. К. Е. Ворошилов ответил, что «если ничего в политике не произойдет за это время, тогда мы быстро сможем договориться» (курсив мой. — Е. О.). Ворошилов не мог сказать определеннее, но он намекал на готовящееся соглашение с Риббентропом. Думенк же подумал, что тот имел в виду декларацию польского правительства¹⁰⁰.

Одновременно (22 августа) из Парижа Ж. Бонне предпринял последнюю попытку спасения переговоров. Через посла Л. Ноэля он настоятельно требовал «в связи с неотвратимым подписанием советско-германского пакта добиться от Польши хотя бы молчаливого согласия, которое позволило бы генералу Думенку действовать от имени Польши, имея в виду единственно возможность войны, в которой Россия могла бы прийти ей на помощь». «Даже если это не даст результата, это, тем не менее, позволит возложить на Россию ответственность, которую в противном случае Польша с ней разделит. Польша не может ни морально, ни политически отказаться от последнего шанса спасти мир»¹⁰¹.

23 августа от Ю. Бека пришло согласие с формулировкой, что «сотрудничество между Польшей и СССР (в случае агрессии против Польши со стороны Германии) не исключается»¹⁰². П. Наджиар назвал это «запоздалой и недостаточной уступкой, по-

скольку она не дает четкого представления о решении польского правительства». И 24 августа генерал Мюсс получил принципиальное согласие Ю. Бека на техническое сотрудничество с СССР в случае совместных действий против германской агрессии¹⁰³. В тот же день посол Франции в Москве Наджиар написал по этому поводу своему коллеге в Варшаве Л. Ноэлю: «Гитлер без колебаний решил на шаг, который Бек, опираясь на наши гарантии, отказался совершить... Он договорился с новой Россией как держава с державой, отбросив тем самым Польшу на ее место, такое незащищенное. Она распластана между германцами и русскими»¹⁰⁴.

Упущенные возможности и их трагические последствия вызывают не только сожаления, но и вопросы. Неадекватная оценка значения позиции СССР в августе 1939 г. имела свои причины. Одна из них — невысокое мнение о военных возможностях Красной Армии, ослабленной «исчезновением» в 1937–1939 гг. ее командной верхушки (об этом писали французские военные журналы в 1939 г.).

Но главная причина — во взаимном недоверии сопричастных строительству тройственного пакта сторон, в противоречивом и нечетком понимании главной угрозы и, следовательно, в запоздалом появлении политической воли к соглашению. В отличие от П. Наджиара, Ж. Бонне и Ю. Бек не верили, что И. В. Сталин может договориться с А. Гитлером вплоть до момента, когда советско-германский пакт стал очевидностью. В августе 1939 г. в Париже предпочитали думать, что угроза германской агрессии и даже сама агрессия против Польши могла толкнуть Кремль к скорейшему заключению компромисса с западными державами.

Только шок, вызванный сообщением о советско-германском пакте, увенчавшем тайные переговоры В. М. Молотова с И. фон Риббентропом, стал тем моментом истины, который показал ключевое значение компромисса между СССР и Польшей для системы гарантий. Но заключение пакта означало крах этой незавершенной и столь несовершенной системы.

1. DDF — Documents diplomatiques français. Série 1936–1939. Paris, 1975. Т. 12. Р. 275.

2. Ibid. Р. 277.

3. АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 23. П. 176. Д. 913. Л. 45.

4. Там же. Оп. 22. П. 172. Д. 865 (19 октября 1938).

5. DDF. Т. 11. № 241.

6. Ibid. № 242 (20.09.38).

7. Слова Э. Эррио приведены Я. З. Сурицем в письме к наркоминдел М. М. Литвинову 27.12.38 (АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 22. П. 172. Д. 865. Л. 105).

8. Там же. Л. 103–108.

9. DDF. Т. 12. № 196. Р. 339 (20.10.38).

10. Ibidem.

11. *Renouvin P.* Histoire des relations internationales. Т. 3. Paris: Hachette, 1994. Р. 713.

12. DDF. Т. 11. № 461. Р. 887.

13. АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 22. П. 172. Д. 865. Л. 148 (07.07.1938).

14. 23 сентября в виду концентрации польских сил на границе Чехословакии и польского ультиматума, СССР предупредил Польшу, что советско-польский пакт будет разорван, если польские войска нападут на Чехословакию. При этом СССР больше не ссылался на статью 11 Лиги наций. Соглашение Чехословакии на польский ультиматум В. П. Потемкин «с горечью» назвал «новой капитуляцией».

15. DDF. Т. 12. № 20. Р. 39–40.

16. АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 22. П. 172. Д. 865. Л. 8.

17. Там же. П. 174. Д. 897. Л. 61 (05.03.1938): «Je persiste à croire que nous nous sommes arrangés de façon à avoir tous les inconvénients d'une alliance avec elle (la Russie — E. O.) sans aucun des avantages».

18. Там же. П. 176. Д. 912. Л. 20.

19. DDF. Т. 12. Р. 277–278 (18.10.1938).

20. Ibid. Р. 279.

21. АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 22. П. 172. Д. 865. Л. 114 (11.11.1938).

22. DDF. Т. 11, № 387.

23. Ibid. Т. 12. Р. 397.

24. Ibid. Т. 11. № 490. Entretien Corbin-Galifax sur la récente déclaration anglo-allemande, le 1er octobre 1938.

25. Ibid. Т. 12. № 29. Р. 50.

26. Ibid. Р. 52.

27. В марте 1938 г.

28. DDF. Т. 13. № 35. Р. 7 (5.12.1938).

29. Ibid. Т. 12. № 334. Р. 647. Справка Генерального секретариата МИД Франции 19 ноября 1938.

30. Ibid. № 30. P. 55.
31. Ibid. Т. 13. № 44 (06.12.1938).
32. Ibid. Т. 13. № 45.
33. Ibid. Т. 12. № 385. P. 752 (de Coulondre à Bonnet, 24.11.1938).
34. АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 22. П. 172. Д. 865 (письмо Литвинова Сурицу 19.10.38).
35. DDF. Т. 12. № 385. P. 753.
36. 24 февраля 1939 г., после голосования в Национальном Собрании, Франция и Великобритания одновременно признают правительство Франко. Таким образом, Франция обеспечивает себе стабильность на испанской границе.
37. DDF. Т. 14. № 30 (03.02.1939).
38. Ibid. № 106 (13.02.1939).
39. Ibid. Т. 14. № 5.
40. Ibid. № 293, 303 (09.03, 11.03.1939).
41. Ibid. № 29 (письмо посла Кулондра министру Бонне 03.02.1939). Согласно приложению 1 Мюнхенского соглашения, «после урегулирования проблем польского и венгерского меньшинств Германия и Италия, со своей стороны, дадут гарантии Чехословакии» (см.: DDF. Т. 11. P. 715).
42. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1а. П. 25. Д. 1. Л. 1.
43. DDF. Т. 14. № 276 (07.03.1939).
44. Ibid. № 152 (20.02.1939).
45. Ibid. № 345 (20.02.1939).
46. АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 23. П. 176. Д. 913. Л. 42.
47. DDF. Т. 17. № 427.
48. АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 22. П. 174. Д. 897. Л. 12.
49. Там же. П. 176. Д. 912. Л. 22.
50. DDF. Т. 12. № 164. P. 278.
51. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1а. П. 25. Д. 6. Л. 10.
52. Там же. Л. 12. (Суриц — Литвинову 25.05.1939, справка о франко-советских переговорах).
53. Там же. Л. 17.
54. Там же. Д. 5 (справка о франко-советских переговорах по сообщениям Сурица).
55. Там же. Д. 4 (беседа Потемкина с Пайяром 16.04.39).
56. Там же. Ф. 0136. Оп. 23. П. 176. Д. 913. Л. 28 (Суриц — Литвинову 16.04.1939).
57. Там же. Л. 28–29.
58. Там же. Ф. 06. Оп. 1а. П. 25. Д. 4. Л. 28.
59. Там же. Д. 6. Л. 1.
60. Там же. Д. 5. Л. 7.
61. Там же. Ф. 0136. Оп. 23. П. 176. Д. 913. Л. 24 (Суриц — Литвинову 26.03.1939).
62. Там же.
63. Там же. Ф. 06. Оп. 1а. П. 25. Д. 6. Л. 3.
64. Там же. Д. 5. Л. 7.
65. Там же. Д. 8. Л. 17.
66. Там же. Ф. 0136. Оп. 23. П. 31. Д. 436. Л. 6.
67. La République. 24.06.1939.
68. L'Époque. 27.06.1939.
69. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1а. П. 25. Д. 2: L'Époque. 08.05.39.
70. Там же. Д. 2: L'Évre. 11.05.39; L'Ordre. 12.05.39.
71. Там же. Д. 8. Л. 21 (11.05.39).
72. Там же. Д. 2: L'Intransigeant. 11.05.39.
73. Там же. Paris Soir. 11.05.39.
74. Там же. Д. 5. Л. 9.
75. Там же. Д. 8. Л. 3.
76. Там же. Д. 2: L'Époque. 09.05.1939.
77. Там же. Д. 8. Л. 16.
78. Там же. Л. 28.
79. Там же. Л. 33.
80. DDF. Т. 27. № 456.

81. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1а. П. 25. Д. 5. Л. 57.
82. DDF. Т. 27. № 456.
83. Ibid. P. 629 (01.08.39).
84. Ibid. № 527. P. 869. 12.08.39.
85. Ibidem.
86. Ibid. № 529.
87. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1а. П. 25. № 11, 12.
88. DDF. Т. 17. № 410.
89. Ibid. № 455.
90. *Renouvin P.* Op. cit. P. 744.
91. DDF. Т. 17. № 94 (Думенк — Даладье).
92. Ibid. № 68.
93. Ibid. № 88.
94. Ibid. № 70.
95. Ibid. Т. 18. № 90. P. 122 (Наджиар — Бонне 17.08.39).
96. Ibid. № 93.
97. Ibid. Т. 17. № 512. P. 833.
98. Ibid. № 147.
99. Ibid. Т. 18. № 147. P. 189, 215.
100. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1а. П. 25. № 12. Встреча Ворошилова с Думенком вечером 22.08.39.
101. DDF. Т. 18. № 235.
102. Ibid. № 301.
103. Ibid. № 396.
104. Ibid. № 410.